

Замысел Фушэня наконец начинал проясняться. Именно в эти предрассветные часы обретала смысл разгадка — почему он, колоссальное и загадочное дитя океана, внезапно явился сюда, в самое устье Жемчужной реки.

Стрелки часов неумолимо приближались к полуночи, знаменуя начало восемнадцатого декабря. Еще несколько часов — и восток окрасится бледным светом.

Мир вокруг погрузился в безмолвие апокалипсиса. Казалось, за одну-единственную ночь из опустевшего Гуанчжоу испарилась всякая иная жизнь. Насколько хватало глаз, всюду простиралась лишь бескрайняя, колышущаяся толща воды — слияние Южного моря и разлившейся Жемчужной реки. Людям цивилизованного мира больше не нужно было спешить на работу или учебу к первому звонку.

Однако двое ящеров — огромный и крошечный — так и не продолжили свой разговор.

Какими бы причудливыми ни казались их лица, как бы близко их анатомия ни подходила к невероятному гибриду человека и морского исполина, в конечном счете они оставались детьми земной природы. У них были свои научные латинские имена, свой метаболизм и кровообращение. А любой живой плоти необходим глубокий, исцеляющий сон. Даже люди не властны над этим законом.

Юань Себай, которого Фушэнь звал просто Двенадцать Юаней, был еще совсем несмышленным детенышем, не достигшим зрелости. Чтобы расти и крепнуть, его организму требовался долгий отдых. Еще мгновение назад Розоволосый казался на редкость бодрым, но вдруг на его пушистые ресницы навалилась неодолимая истома, и он протяжно зевнул.

Забыв о присутствии исполинского спутника, кроха без сил уронил голову. Забавный хвостик перевесил, и малыш, потеряв равновесие, неловко завалился на бок прямо на влажный речной песок. Зрелище было донельзя умильным — точь-в-точь заснувший на ходу щенок.

Черный исполин мгновенно затих. В его глубоком взоре не читалось удивления. Будучи представителями разных ветвей одного и того же древнего рода, разделившегося на пресноводный и морской подвиды миллионы лет назад, они сохранили глубинное родство. Различались их ареалы обитания и способы размножения, но в остальном повадки оставались поразительно схожими.

Генетическая близость рождает понимание без слов, необъяснимую ментальную связь, которую не под силу препарировать сухой науке. Забота старшего о младшем была продиктована чистым, незамутненным инстинктом.

Конечно, Фушэнь мог бы растолкать малыша, заставить его восторгнуться. Вместо этого он окинул взглядом темнеющий небосвод, почувствовал, как резко падает ночная температура, и безмолвно отодвинул тяжелый хвост и массивные когтистые лапы, уступая крохе пространство.

Для человека обустроить ночлег — дело нехитрое. Но Двенадцать Юаней еще пару недель назад был обычным аксолотлем в домашнем аквариуме. Он никогда не видел дикой природы, никто не учил его карабкаться по илистым берегам и рыть защитные гнезда в песке.

И все же сквозь пелену сонной одури пробился древний зов, запечатанный в самой глубине его клеток. Он сам собой принялся скрести сырую землю крошечными лапками.

У каждого из нас есть мать. Научно доказано, что околоплодные воды хранят первобытную память любого земного существа. Пожалуй, именно поэтому водные обитатели нередко демонстрируют поразительную приспособляемость: стихия воды без труда пробуждает воспоминания далеких предков. Это объясняло, почему Двенадцать Юаней всегда казался чужаком среди обычных аксолотлей в безжизненном резервуаре. Его природа была иной.

Опустевший, замерзающий Гуанчжоу не сулил тепла. Крошечному существу без посторонней помощи выжить здесь казалось почти невозможным. Стоило малышу опустить лапки, поверить, что он лишь беспомощный декоративный зверек, и безжалостная природа стерла бы его с лица земли.

И все же Фушэнь не стал нянчиться с ним и не уступил свой теплый пригрев. Он замер и целых одиннадцать минут молча наблюдал за отчаянными попытками детеныша. В этом невмешательстве крылся суровый урок выживания, доступный лишь диким созданиям. Взрослый дракон верил в силу древней крови. Молодость не означает слабость; предки Двенадцати Юаней никогда не были слабыми.

И малыш не подвел. Из последних сил перебирая лапками, он отыскал небольшое углубление и зарылся в него.

Как только сырой песок сомкнулся над ним, пришло спасительное тепло. Природа устроила все мудро: когда ночной воздух остывает, прибрежная вода долго держит дневное тепло, согревая береговую линию. Древний инстинкт амфибий сработал безупречно.

— Ме... а... ме-а.

Тихонько пробормотал Двенадцать Юаней. Довольный своей маленькой победой, он перевернулся на спину прямо в песчаной ямке. На эти поиски и борьбу с собственной беспомощностью у него ушло около двадцати минут, но теперь он лежал, блаженно вытянув лапки и розовый хвост.

Черный ящер едва заметно улыбнулся. Стараясь не издать ни звука, огромный дракон бесшумно опустился рядом с ямкой, свернулся кольцом вокруг крошечного гнезда и укрыл его своим массивным телом от ледяного ветра, дующего со стороны залива.

Вглядываясь в черную даль, исполин издал глухой, вибрирующий рокот, ушедший глубоко под воду. Этот звук, полный первобытной мощи, разогнал таящиеся в ночи угрозы.

Кроха в своей норке ничего этого не слышал. Он лишь плотнее прижал к себе нежно-розовый хвостик, внезапно почувствовав себя в абсолютной безопасности. Словно сам его дом, живой и надежный, укрыл его от всех невзгод мира.

В ту ночь речные воды пробудили в сознании спящего малыша чужие, глубоко запрятанные воспоминания. Ему приснился сон, не имеющий никакого отношения к его короткой жизни в неволе.

Ему снилась вода — бескрайняя, холодная, пугающе похожая на затопивший Гуанчжоу океан. Но разум уносил его не в современность, а на сотни миллионов лет назад, в эпоху, когда еще не существовало ни провинции Гуандун, ни людей, населявших эти земли. Это был первозданный, таинственный древний Китай.

Удивительное дело: если верить продавцу с Таобао, его порода происходила из далеких мексиканских озер. Как же тогда в его памяти запечатлелись эти пейзажи? С самого рождения его тянуло к этой земле, он улавливал на слух кантонский диалект, а его первое несмелое «ме-а» звучало точь-в-точь как местное наречие. Связь с этой землей была нерушимой, вписанной в саму структуру его крови.

В его сне древние существа совершали свой первый, великий шаг — они выходили на сушу. В их облике угадывались черты самого Двенадцати Юаней, но их морды, отливавшие золотом, белизной и угольной чернью, больше походили на изящных ящеров. Ни перьев, ни грубой чешуи — лишь гладкая, лоснящаяся кожа, дышащая благородной красотой водной стихии. На их головах симметрично красовались два аккуратных рога, а способность приносить потомство как через яйцезиворождение, так и путем метаморфоз обеспечивала им невероятную выживаемость на этой суровой, молодой земле. Они делили эти просторы с предками китайского народа, навек связав свою судьбу с их будущей историей.

Шли эпохи. Очередной глобальный катаклизм вынудил этих удивительных существ совершить обратную эволюцию и вернуться в водную обитель. Но они вернулись преображенными. Теперь это были величественные получеловеческие создания — с мощными хвостами, изящными конечностями и гордыми рогами.

Земля менялась. Китайская платформа обрела уникальный ландшафт, где переплелись бесчисленные пресные реки и глубокие соленые моря. В то время как другие уголки планеты погружались в пучину или страдали от засухи, эта земля процветала, словно благословленная небесами. И тогда единый некогда народ принял судьбоносное решение — разделиться.

Одна половина устремилась в суровые просторы великого океана, готовая противостоять гигантским хищникам глубин. Другая выбрала коварные пресные реки, где свирепствовали древние паразиты и болезни, но где теплилась иная жизнь. Ни те, ни другие не отступили перед трудностями.

Ибо имя им было — Драконы. Великие, истинные драконы народа Ди, когда-то действительно населявшие эту землю.

Тех, кто покорил океан, нарекли Китайскими морскими драконами Ди, а те, кто ушел в реки, стали Персиковыми пресноводными драконами Ди.

Сновидение растаяло без следа, оставив в душе щемящее чувство тоски, и малыш тихонько захныкал сквозь сон. Но в ту же секунду дракон осторожно притянул его к себе огромной теплой лапой и бережно осушил крошечные слезинки на его щеках.

— Ме... а...

Сонно выдохнул кроха, утыкаясь носом в грудь великана.

Теперь он знал наверняка. Его первое слово не было глупым подражанием человеческой речи, услышанной от торговца. Это был его собственный, истинный голос. Голос предков, преодолевший барьеры миллионов лет эволюции и забвения. В этом простом звуке крылась непостижимая сила родного языка.

Маленький персиковый пресноводный дракон Ди, когда-то затерявшийся на чужбине и забывший свое имя, наконец-то вернулся в родную гавань. К истокам, которые ждут каждого из нас.

Ведь в конце концов, у всех нас один общий дом.

<http://bllate.org/book/19977/2029185>